

Введенский А. И. [Рец. на:] *Виндельбанд. История новой философии: Философия Канта / Пер. с нем. Н. Платоновой.* СПб., 1895. Стр. IV + 202. // *Богословский вестник* 1895. Т. 4. № 10. С. 119–125 (3-я пагин.).

Виндельбандъ: Философія Канта (изъ Исторіи Новой Философіи Виндельбанда). Съ нѣмецкаго перевела Надежда Платонова. Спб. 1895. Стр. IV+202.

Замѣтное и всѣми признаваемое пробужденіе интереса къ философіи у насъ, въ Россіи. въ послѣднее время должно было, конечно, отразиться прежде всего на нашихъ университетахъ. И дѣйствительно мы замѣчаемъ въ нихъ, особенно въ университетахъ столичныхъ, въ данномъ отношеніи дотолѣ небывалое оживленіе. Впереди другихъ идетъ Университетъ Московскій. Его философская дѣятельность, выразившаяся въ устройствѣ „Психологическаго Общества“ и въ основаніи при немъ философскаго журнала, извѣстна всей образованной Россіи. Менѣе обширна, но, быть можетъ, не менѣе серьезна и плодотворна, и философская дѣятельность Петербургскаго Университета. Талантливый представитель философіи въ немъ, нашъ достопочтенный однофамилецъ, проф. Александръ Ивановичъ Введенскій, помимо оригинальныхъ работъ, посвященныхъ главнымъ образомъ критической философіи, издалъ подъ своею редакціею рядъ переводныхъ сочиненій (между ними главныя: „Исторія древней философіи“ *Виндельбанда*, Спб. 1893 г. и „Исторія новой философіи“ *Фалькенберга*, Спб. 1894 г.). Теперь, для дополненія „Виндельбандо-Фалькенберговскаго обзора“ исторіи философіи, онъ издаетъ подъ своею редакціею книжку, заглавіе которой нами выписано выше.

„Книга Виндельбанда, при строго научномъ характерѣ, отличается столь яснымъ, живымъ и даже увлекательнымъ изложениемъ, что, читая ее, не рѣдко забываешь, держишь ли въ рукахъ какой-либо талантливый романъ, или-же чисто научное произведеніе“ (III). Эго, конечно, уже слишкомъ:

книга, безспорно, написана хорошо; но сжатое и въ общемъ довольно отвлеченное изложеніе постоянно напоминаетъ, что это не романъ. Далѣе, почтенный редакторъ книги Виндельбанда заявляетъ, что онъ „охотно поспорилъ-бы о нѣкоторыхъ вопросахъ“ съ Виндельбандомъ. И мы, съ своей стороны, думаемъ, что такихъ спорныхъ вопросовъ въ книгѣ найдется немало, такъ что на нее далеко не во всемъ можно полагаться ¹⁾. И тѣмъ не менѣе, выборъ книги все же сдѣланъ очень удачно; она дѣйствительно способна ввести въ духъ кантовскихъ идей, заставить взглянуть на вещи глазами самаго Канта, и, въ этомъ отношеніи, является хорошимъ дополненіемъ нѣсколько внѣшняго изложенія философіи Канта у Фалькенберга.

Преобладающій характеръ монографіи Виндельбанда исторической. Онъ лишь изрѣдка отмѣчаетъ свое разногласіе съ Кантомъ и позволяетъ себѣ критическія замѣчанія (см., наприм., стр. 60, 125—6). Особенность Виндельбанда, какъ историка философіи, и вмѣстѣ его главное достоинство состоитъ въ стремленіи разсматривать идеи каждаго философа въ связи съ условіями его жизни и свойствами личнаго характера, равно какъ и—съ общимъ культурнымъ движеніемъ вѣка. Съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ и на Канта. Онъ видитъ въ немъ „величайшаго философа эпохи просвѣщенія и ея всесторонняго и сильнѣйшаго представителя„ (стр. 2), который, однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже возвышается надъ своимъ вѣкомъ и, такимъ образомъ, начинаетъ новый, отчасти противоположный ему, періодъ сначала нѣмецкаго, а потомъ и обще-европейскаго мышленія.

Ученіе Канта,—пишетъ Виндельбандъ,—есть тотъ кульминаціонный пунктъ, котораго достигаетъ линия развитія въ вѣкъ просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ пунктъ, начинающійся съ котораго это развитіе переходитъ въ нисходящее движеніе, подъ вліяніемъ творческаго стремленія ученія Канта; оно есть завершеніе просвѣтительнаго движенія и именно поэтому оно вмѣстѣ съ тѣмъ—заканчивается и преодолеваетъ вѣкъ просвѣщенія. Такое главствующее положеніе на высотѣ великаго культурно-историческаго процесса можетъ быть занято какимъ-либо философомъ только потому, что ему дано путемъ творческой организациіи преобразовать все богатство

¹⁾ Для примѣра укажемъ на односторонность Виндельбанда въ истолкованіи Кантовскаго ученія о пространствѣ (стр. 65 и слѣд. Ср. нашу статью: „Ученіе Канта о пространствѣ“, помѣщенную въ „Богосл. Вѣстникѣ“, — особенно *Іюль*, стр. 395 и слѣд.).

идей данной эпохи въ одно замкнутое цѣлое.... Централизирующая и организирующая сила этой системы заключается не въ ея абстрактной мысли, а въ живомъ убѣжденіи ея создателя. *Вся философія Канта оживляется и согревается непоколебимой вѣрой въ могущество разума, и эта вѣра* не есть воззрѣніе, почерпнутое изъ области теоріи познанія; она выходитъ за предѣлы теоретической функціи и *занимаетъ мѣсто въ нравственном разумѣ человеческого рода ...* Такимъ образомъ вмѣстѣ съ Кантомъ въ нѣмецкую философію проникаетъ согрѣтое чувствомъ могущество личнаго убѣжденія. Центральнымъ пунктомъ философіи Канта является его личность. Если кто-нибудь изъ великихъ мыслителей можетъ служить живымъ доказательствомъ того, что исторія философіи есть не подобное тканью на ткацкомъ станкѣ вапизываніе абстрактныхъ идеальныхъ потребностей, а борьба мыслящихъ людей и что въ каждой значительной системѣ мы имѣемъ предъ собою волнующія міръ могущественныя мысли въ идеальной концентрации, то это—именно Кантъ (стр. 2—4, *passim*).

Само собою понятно, что, при такой постановкѣ своей задачи относительно Канта, Виндельбандъ долженъ былъ обратить прежде всего свое и читателя вниманіе на условія жизни и философскаго развитія Канта, въ связи съ вопросомъ объ его сочиненіяхъ. Это онъ и дѣлаетъ въ двухъ первыхъ главахъ своей монографіи (стр. 5—54). Далѣе, такъ какъ критическая философія раздѣляется на три главные части—критику теоретическихъ, практическихъ и эстетическихъ апріорныхъ синтетическихъ сужденій (стр. 61),—то въ трехъ остальныхъ главахъ книги онъ послѣдовательно изучаетъ каждую изъ этихъ трехъ частей системы. Съ наибольшою полнотою и тщательностію написана глава о теоретической философіи Канта, хотя и въ остальныхъ главахъ даже человекъ близко знакомый съ Кантомъ найдетъ для себя много поучительнаго.

Точку зрѣнія и внутренней смыслъ теоретической философіи Канта Виндельбандъ характеризуетъ такимъ образомъ:

Ученіе Канта есть *раціонализмъ*, поскольку оно утверждаетъ и устанавливаетъ апріорное познаніе посредствомъ формъ человеческого ума; оно есть *эмпиризмъ*, поскольку оно ограничиваетъ это познаніе опытомъ и данными въ немъ явленіями, оно есть *идеализмъ*, поскольку оно учитъ, что мы познаемъ лишь міръ нашихъ представленій; оно есть *реализмъ*, такъ какъ оно утверждаетъ, что этотъ міръ нашихъ представленій есть явленіе т. е. усвоеніе (*Auffassung*—?), хотя и не отраженіе нашимъ умомъ дѣйствительнаго міра. Всѣ эти характеристики соединяются въ ученіи Канта подъ именемъ *трансцендентальнаго феноменализма*, чѣмъ указывается, что для индивидуальнаго ума *міръ объектовъ есть продуктъ надъиндивидуальной организациіи*, которая, однако, не противостоитъ этому уму, какъ что-то чуждое, а напротивъ образуетъ основу его собственной жизни. Поэтому и для

Канта имѣеть смыслъ ходячее опредѣленіе, что истинность мышленія заключается въ его соотвѣтствіи съ предметами; но только этими предметами могутъ быть уже не вещи въ смыслѣ наивнаго реализма, а лишь представленія высшаго рода. Для субъективнаго ума истина заключается въ соотвѣтствіи между представленіемъ индивидуальнымъ и надъиндивидуальнымъ (стр. 85—6)... Безусловное есть никогда недостижимый идеаль познанія; и несмотря на свою недостижимость, идеаль этотъ господствуетъ надъ всю работу познанія и направляетъ ее; ибо отыскиваніе единичныхъ связей, уразумѣніе отношеній обусловленности, представляетъ цѣнность лишь постому, что связи эти разсматриваются въ зависимости отъ все болѣе и болѣе высокихъ и глубокихъ связей, и что такимъ путемъ познаніе стремится къ послѣдней и абсолютной связи, которой оно никогда не можетъ достигъ. Въ этомъ изслѣдованіи Канта *потрясающее и трагическое состоитъ именно въ томъ, что цѣнность познавательной дѣятельности человѣка заключается лишь въ работѣ для цѣли, которая, по самому понятію своему, никогда не можетъ быть достигнута*; что возникаетъ неразрѣшимое противорѣчіе между задачами познанія и средствами, которыми оно обладаетъ для ихъ рѣшенія. Въ этомъ смыслѣ *Кантъ требуетъ отъ познавательной дѣятельности такого-же яснаго и сознательнаго смиренія, какъ и Лессингъ*. У нихъ обихъ *это требованіе вытекаетъ изъ нравственнаго сознанія*; но у Канта оно вмѣстѣ съ тѣмъ является еще и теоріей, раскрывающей сокровеннѣйшую глубину умственной жизни человѣка. Кто не обладаетъ этимъ сознательнымъ смиреніемъ и кто вмѣстѣ съ тѣмъ понялъ необходимость той теоремы, что познаніе условнаго можетъ найти свое завершеніе въ познаніи безусловнаго, тотъ склоненъ будетъ принимать понятіе рѣшенія задачи уже за самое рѣшеніе ея... Стр. 105.

Въ главѣ о практической философіи Канта Виндельбандъ настойчиво и съ достаточнымъ основаніемъ подчеркиваетъ часто просматриваемую, а между тѣмъ очень важную для пониманія идей Канта, параллель между его теоретическою и практическою философіею (см. особенно стр. 119. 121. 129 и др.). Съ особеннымъ, нѣсколько даже непонятнымъ, увлеченіемъ Виндельбандъ говоритъ, въ послѣдней главѣ своей монографіи, о *Критикѣ Способности Сужденія*. Она представляется ему „краеугольнымъ камнемъ въ зданіи Кантовской мысли“ (стр. 185), и вмѣстѣ „могущественнѣйшимъ краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ построекъ, воздвигаемыхъ его послѣдователями“. Это сказано, быть можетъ, слишкомъ сильно и едвали соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію третьей Кантовской Критики. Едвали такъ-же „можно съ полнымъ правомъ (?) сказать, — какъ это категорически заявляетъ авторъ, — что обработка телеологической проблемы, какая указана Кантомъ, является наиболѣе основательнымъ (?) изъ всего того, что когда-либо

и донныѣ было высказано о ней“ (173). Но авторъ во всякомъ случаѣ хорошо сдѣлалъ, что выдвинулъ къ свѣту эту, обыкновенно остающуюся въ тѣни, Критику и, поставивъ ее въ рядъ съ двумя другими Критиками, установилъ на нее надлежащую перспективу и далъ ей надлежащее освѣщеніе: „рядомъ съ двумя прежними вопросами, — существуютъ-ли апріорныя *познанія* и существуютъ-ли апріорныя *желанія*? — возникаетъ еще третій: *существуютъ-ли апріорныя чувствованія*?“ — Этимъ вопросомъ и опредѣляется, по автору, необходимость и задача третьей Критики (стр. 160). Это очень ясно.

Что касается теперь перевода книги, то онъ, — если не принимать во вниманіе нѣсколькихъ (во всякомъ случаѣ немногихъ) недостаточно отдѣланныхъ оборотовъ или несполнѣ удачныхъ въ литературномъ отношеніи выраженій ¹⁾, — можетъ быть названъ вполне удовлетворительнымъ.

1) Вотъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 79 сказано: „трансцендентальная логика не хочетъ, подобно формальной, быть логикой объема понятій, а скорѣе желаетъ изслѣдовать вещественныя отношенія“... вмѣсто выраженія: „вещественныя отношенія“, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы сказать: „реальныя отношенія“ (наше слово „вещественный“ имѣетъ узкій смыслъ, не выражающій эластичнаго нѣмецкаго *sachlich*). Стр. 114: „и такимъ образомъ совершать переходъ къ другому роду (*μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*)“; въ подлинникѣ лучше: „и совершать (допускать) *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*“; можно и иначе: „и допускать ошибку, известную въ логикѣ подъ именемъ *μετάβ. εἰς ἄλλο γένος*“. 133: „*асовмываетъ* (!) въ совѣтъ то, чего нельзя доказать“: слишкомъ грубо, — „влагаетъ (*hineinschiebt*), усволяетъ“... Стр. 168: „*скопидомство полезностей*“. Стр. 180: „судьба возвышаетъ чловѣка, *раздавливая* (?) его“. Стр. 82: „въ *голыжъ* (*bloss*) ощущеніяхъ“. Стр. 20: „*воздѣйствіе* (?) на разстояніи“ вмѣсто принятаго: „дѣйствіе на разстояніи“. Стр. 31: „объясненіе *бреденъ* (?) духовидца“. Стр. 104: „ограниченіе познанія опытомъ, составляющимъ его сущность, въ тоже время на всегда удаляетъ его (?) отъ достиженія цѣлей, къ которымъ оно (?) снова всегда (?) должно стремиться“... Еще одна выписка. Въ самомъ началѣ, на первой-же страницѣ, мы читаемъ: „Новѣйшее мышленіе, какъ въ своей формѣ такъ и въ своемъ содержаніи, развилось изъ различныхъ исходныхъ пунктовъ. Соприкасаясь со всею широтою европейской культурной жизни, оно привело въ сознательную форму всѣ ея мотивы. И хотя черезъ всѣ эти движенія проходитъ одно общее стремленіе къ внутренней самостоятельности разумнаго познанія; но все-таки само собой выходило, что каждое изъ этихъ движеній, соотвѣтствуя особымъ побужденіямъ и отношеніямъ, *переживало само себя* (?) и *отражалось въ мысли во всей своей своеобразности*“. Мысль конца тирады неясна и даже не вполне согласована сама

Мы свѣрили съ подлинникомъ нѣсколько показавшихся намъ подозрительными мѣста и наудачу двѣ три страницы и оказалось, что переводъ повсюду правиленъ т. е. передаетъ мысль подлинника точно. За это, впрочемъ, уже и заранѣе ручалась вполне компетентная редакція книги.

Въ началѣ книги помѣщено подробное и очень полезное; для ориентировки въ ней, конспективное оглавление, составленное переводчицей; а въ концѣ—особое приложеніе, составленное редакторомъ книги, въ которомъ онъ указываетъ изданія, переводы и литературу о Кантѣ,—русскую

съ собою. Слѣдовало-бы, въ большее соответствіе съ подлинникомъ, сказать такъ:... „каждое изъ этихъ движеній прежде всего проявляло въ жизни само себя и выражалось (или опредѣлялось) во всей своей своеобразности“ (... jede dieser Bewegungen zunächst sich selbst auslebte und in ihrer ganzen Eigenthümlichkeit ausprägte; *sich selbst auslebte* = сначала *изживало само себя*, изживало свой своеобразный жизненный принципъ = „проявляло въ жизни само себя“ = раскрывалось и пр. под.) Иначе, какъ движеніе, „пережившее само себя“ можетъ „отражаться въ мысли“? Да и что значить выраженіе: „движеніе переживаетъ само себя“? При томъ, куда дѣвалось выраженіе подлинника: zunächst? и откуда, съ другой стороны, взялось совершенно отсутствующее въ подлинникѣ выраженіе: „въ мысли“? Этотъ недосмотръ для насъ тѣмъ менѣе понятенъ, что онъ оказывается въ самомъ началѣ книги.—Отмѣтимъ здѣсь кстати одно разногласіе съ редакторомъ. Онъ вездѣ передаетъ нѣмецкое слово *Sinnlichkeit* русскимъ „чувствительность“ (стр.: 62. 72. 87. 108. 178. 180 и др.) и въ особомъ примѣчаніи (стр. 35) такъ объясняетъ этотъ терминъ: „чувствительность означаетъ нашу восприимчивость къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ; она-то и обуславливаетъ существованіе интуицій;... если математика основана на интуиціи, то математическое познаніе коренится въ чувствительности“. Конечно, терминъ „чувственность“, которымъ до сихъ поръ переводилось Кантовское *Sinnlichkeit*, не можетъ быть названъ вполне удачнымъ, такъ какъ онъ имѣетъ свое спеціальное значеніе (= низменные пожеланія). Но едвали лучше и терминъ, предложенный нашимъ достопочтеннымъ однофамильцемъ. Сказать, наприм., „болѣзненная чувствительность“ можно; но сказать: „чувствительность къ пространству“, „чувствительность къ внѣшнимъ предметамъ“ и т. д.,—это, по нашему мнѣнію, будетъ звучать странно. Во всякомъ случаѣ къ этимъ и подобнымъ выраженіямъ придется долго пріучать ухо. Мы не говоримъ уже о томъ, что и терминъ „чувствительность“ имѣетъ свое спеціальное значеніе. Не лучше-ли условиться передавать этотъ терминъ такъ, какъ въ одномъ мѣстѣ своей монографіи: „Объ истинахъ самоочевидныхъ“ его передавалъ проф. *Каринскій*,—именно выраженіемъ: „*воспріемлющая сила*“ (стр. 37)? По нашему мнѣнію, это выраженіе было-бы удачнѣе обоихъ терминовъ: „чувственность“ и „чувствительность“. — Еще одно и послѣднее замѣчаніе: въ концѣ книги корректура такъ неисправна, что можно почитать, будто про нее здѣсь совсѣмъ забыли....

и иностранную. Благодаря этой двойной заботливости о книгѣ, — переводчицы и редактора, — она является предъ нами въ столь законченной обработкѣ, что намъ остается только рекомендовать ее вниманію всѣхъ друзей философіи и—Кантовской въ особенности.

Въ заключеніе еще маленькая выписка изъ книги. Говоря о переводахъ Канта на русскій языкъ, достопочтенный редакторъ книги между прочимъ высказываетъ пожеланіе, чтобы „русскіе любители философіи, которые поставлены въ невозможность или не хотятъ заниматься собственными изслѣдованіями по философіи, посвятили-бы свои силы переводамъ: вѣдь эта дѣятельность, — продолжаетъ авторъ приводимой выписки, — доступна и провинціальной интеллигенціи, не имѣющей подъ руками библіотекъ научныхъ, и всѣмъ тѣмъ, кому множество обязанностей не даетъ возможности на нѣкоторое время сосредоточить все свое вниманіе на одномъ вопросѣ (въ такомъ положеніи большинство женщинъ, получившихъ высшее образованіе, учителей и т. д.),—переводы могутъ быть исполняемы урывками и при помощи незначительнаго числа легко доступныхъ пособій“....

Вполнѣ присоединяемся къ этому пожеланію.

Алексій Введенскій.